

ВСЕМІРНАЯ

№ 295—50.

ПАНОРАМА

*Рр
5035*

КОНТРАКТНОСТЬ
И. Б. Б.
Короваа и Горохова

12 Декабря

1914 г.

**ВОЕННЫЙ
НОМЕРЪ.**

На ст. ж. д. цѣна **6 коп.**

5 коп.

Цѣна № въ розничной продажѣ въ столицахъ и провинціи

Открыта подписка на 1915 годъ
на журналъ

„ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“

Еженедѣльный литературно-художественный журналъ— 52 №№ „ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“ чутко откликается на всѣ выдающіяся событія, помѣщая на своихъ страницахъ произведенія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей и художниковъ.

Иллюстраціи „Всемирной Панорамы“ являются полнымъ отраженіемъ всѣхъ обращающихъ на себя вниманіе событій міра.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

богато иллюстрирована въ журналѣ собственными художниками и фотографами-корреспондентами.

„Всемирная Панорама“ въ 1915 году дастъ своимъ подписчикамъ цѣнныя литературныя приложенія, которыя для каждой русской семьи представляютъ **необходимую, большую и цѣнную библиотечку.**

Въ 1915 г. „Всемирная Панорама“ будетъ выходить въ 3-хъ изданіяхъ.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ:

52 №№ большого художественно-литературнаго журнала „Всемирная Панорама“

52 книги „Классической библиотечки“

состоящей изъ произведеній русскихъ классиковъ.

Успѣхъ первой серіи „Классической библиотечки“ и продолжалась подписка и по сію пору на безсмертныя произведенія нашихъ классиковъ, побуждаютъ насъ и въ наступающемъ 1915 г. повторить это изданіе, въ составъ котораго входитъ полное собраніе произведеній слѣдующихъ 10 писателей:

Н. Г. Помяловскій,	Н. В. Гоголь,
А. С. Грибоѣдовъ,	Д. И. Фонвизинъ,
С. Т. Аксаковъ,	А. С. Пушкинъ,
А. В. Кольцовъ,	А. А. Марлинскій,
М. Ю. Лермонтовъ,	И. А. Крыловъ.

Всего будетъ дано 52 книги, заключенныя въ себя свыше 7.000 страницъ четкой, легкой и удобной печати, на хорошей бумагѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ

за 52 №№ журнала „ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“
и 52 книги „КЛАССИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“ **6 р. 75 к.**

съ пересылкой и доставкой

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 3 рубля, къ 1 марта—2 рубля и къ 1 мая—1 р. 75 к. Первые 5.000 подписчиковъ, приоплативъ всю подписную плату, получаютъ сразу всѣ 52 книги „Классической Библиотечки“.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ:

52 №№ „Всемирная Панорама“,
журнала „Панорама“,

52 книги „Классической Библиотечки“,
ВТОРОЙ СЕРИИ „Классической Библиотечки“,

въ составъ которой войдетъ полное собраніе произведеній слѣдующихъ 10 русскихъ классиковъ:

Императрица Екатерина II,	М. Н. Загоскинъ,
М. В. Ломоносовъ,	Т. Г. Шевченко,
Г. Р. Державинъ,	Л. А. Мей,
Н. М. Карамзинъ,	А. А. Дельви́гъ,
В. А. Жуковскій,	И. И. Хемницеръ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ

за 52 №№ журнала „ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“
и 52 книги „КЛАССИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“ **6 р. 75 к.**

съ пересылкой и доставкой

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб., къ 1 марта—2 рубля и къ 1 мая—1 руб. 75 коп.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ.

Въ это изданіе мы обращаемъ особенное вниманіе новыхъ подписчиковъ „ВСЕМІРНОЙ ПАНОРАМЫ“. Лица, подписавшіяся на третье изданіе, всего за 13 рублей получаютъ, кромѣ большого еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, цѣлую библиотечку изъ 104 книги, заключенныя въ себя полное собраніе произведеній слѣдующихъ 20 русскихъ классиковъ:

А. С. Пушкинъ,	Императрица Екатерина II,
Н. В. Гоголь,	М. В. Ломоносовъ,
М. Ю. Лермонтовъ,	Г. Р. Державинъ,
А. В. Кольцовъ,	Н. М. Карамзинъ,
И. А. Крыловъ,	В. А. Жуковскій,
А. С. Грибоѣдовъ,	Т. Г. Шевченко,
С. Т. Аксаковъ,	Л. А. Мей,
Н. Г. Помяловскій,	А. А. Дельви́гъ,
А. А. Марлинскій,	И. И. Хемницеръ,
Д. И. Фонвизинъ,	М. Н. Загоскинъ.

Приложеніе это составляетъ полный комплектъ ПРИЛОЖЕНІЙ, даваемыхъ къ 1-му и 2-му изданію „Всемирной Панорамы“ ВЪ СЪТѢ.

Эта библиотечка необходима каждому учащемуся и каждому грамотному человѣку.

МОДОВОЙ ПРЕМИИ НЕ ДАВАЕТЪ ЕЩЕ НИ ОДИНЪ ЖУРНАЛЬ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ

за 52 №№ журнала „ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“
и 104 книги „КЛАССИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“ **13 руб.**

съ доставкой и пересылкой.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—6 рублей, къ 1 марта—4 рубля и къ 1 мая—3 рубля. Первые 5.000 лицъ, подписавшихся въ 3 изданіе, получаютъ сразу 52 книги первой серіи „Классической библиотечки“.

Деньги адресовать: Петроградъ, Главная Контора Акціонернаго Общества „Колѣйка“, Лиговка 111-113, соб. домъ.

95
B84

ПАНОРАМА

Военные мотивы.

Въ изгнаніи.

Серпъ луны, молочно бѣлый,
Гаснетъ въ блѣдныхъ облакахъ.
Мы у новаго предѣла,—
Принесли вамъ смерть и страхъ!
Вы не ждали, вы въ смятенѣ—
Мы же сильны и грозны.
Вамъ несемъ опустошенье,
Тяжкій ужасъ тишины.
Ваши грозныя твердыни
Васъ,—начавшихъ,—не спасутъ.
Мы испытаны и нынѣ
Довершимъ нашъ правый судъ.
Гаснетъ, гаснетъ мѣсяць бѣлый,
Разсвѣтаетъ новый день.
Грозно вѣтся стягъ нашъ смѣлый
Въ дымѣ вашихъ деревень.

* * *

Весь день, какъ изъ ведра,
Дождь льетъ и льетъ...
И съ раняго утра
Нашъ полкъ идетъ.

Дорога, что кисель—
Увязнешь съ головой!
Ужъ больше трехъ недѣль
Все въ бой и въ бой...

Оскалилъ врагъ клыки,
Затравленный, какъ волкъ,
Не мало разъ въ штыки
Ходилъ нашъ полкъ.

Нависли облака,
Какъ рваныя тряпы.
Вдали туманъ, рѣка,
Вокругъ жинивы.

Безъ усталы идемъ,
И, можетъ быть, опять
Придется подъ дождемъ
Всю ночь стрѣлять.

Въ свободное отъ босвыхъ трудовъ время король бельгійскій и супруга его прогуливаются безъ великой свиты на французскомъ побережьѣ и съ грустью смотрятъ въ ту сторону, гдѣ находятся города и села ихъ несчастной страны, преданной германскими полчищами мечу и пожарамъ. Но придетъ часъ возмездія, и нѣмецкіе варвары должны будутъ уйти изъ Бельгіи, какъ они уже ушли изъ мужественной Сербіи.

Одинъ на девятнадцать.

Долго бились враги...

Австрійцевъ было большое количество, они стойко выдерживали натискъ русскихъ войскъ, но все же стоять не пришлось и они побѣжали, какъ разсѣянное стадо.

Отступленіе было быстрое, паническій страхъ овладѣлъ австрійцами, ряды ихъ были разстроены, разбитые полки смѣшались, бѣжали, кто какъ могъ, куда сами не знали.

Русскіе гнали за ними по пятамъ, казаки захватывали много плѣнныхъ, орудія, сбосы, зарядные ящики, бѣгущая вражеская лава поспѣшно текла на западъ ста-

Мародеры XX вѣка.

Добравшись до какого-нибудь изъ богатыхъ замковъ, германскіе солдаты первымъ дѣломъ предаются грабежу. Дикую сцену мародерства съ умишкой наблюдаетъ одинъ изъ германскихъ принцевъ, очевидно считающій, очень похвальнымъ идти по стопамъ самого кронпринца.

раясь спастись отъ острыхъ казачьихъ пикъ, отъ солдатскихъ штыковъ...

Нѣкоторые изъ враговъ растерянно пытались укрыться въ селеніяхъ, попадавшихся имъ на пути, залечь гдѣ-нибудь въ лѣсу, чтобы потомъ, когда наступитъ темнота, продолжать свой путь. Большинство изъ такихъ бѣглецовъ скоро были отысканы и захвачены въ плѣнъ.

Рѣдко, когда оказывалось съ ихъ стороны сопротивленіе. Они были нравственно поражены, духъ упалъ, сознание своей слабости охватило еще недавно бодрые ряды австрійскихъ солдатъ, теперь имъ было все равно,—только бы не быть убитыми!

Русскія войска преслѣдовали ихъ до самой темноты, затѣмъ махнули рукой; рѣшили отдохнуть послѣ боя, преслѣдовать дальше разбитаго врага не стоило. Если и увидишь небольшую часть его, то особаго вреда онъ не могли причинить.

Передовыя русскія части стали на бивакъ, укрѣпились, зажгли костры, подоспѣли походныя кухни, проголодавшиеся воины были довольны отдыхомъ и ожидали, когда вода въ котелкахъ вскипитъ, чтобы можно было выпить горячаго чаю. Сухари были съ собою. Въ такія минуты не требовалось ничего болѣе.

Неожиданно наступило затишье, темнота все стлуживалась, опушка пройденнаго лѣса, на которой остановился отрядъ шехотинцевъ, черной стѣной замыкала пройденный ими путь.

II.

Впереди, недалеко черезъ поле, лежало небольшое польское мѣстечко. Оно было на виду отряда, но входитъ въ него

командиръ сейчасъ вечеромъ не приказалъ, боясь засады со стороны враговъ, которые могли сосредоточиться здѣсь и нанести вредъ небольшому отряду преслѣдователей.

— Съ разсвѣтомъ пойдемъ, тогда видишь будетъ,—объявилъ онъ своимъ офицерамъ.—Здѣсь почевать безопаснѣе.

Такъ и рѣшили, хотя офицеры, а также и солдаты, несмотря на усталость, рвались идти дальше и «пощупать» мѣстечко.

— Эхъ, слетать бы туда,—почесывая затылокъ, съ сожалѣніемъ проговорилъ одинъ изъ солдатиковъ.

— Не приказано, такъ—какъ пойдешь? Самъ знаешь, что значить приказъ,—отозвался другой солдатъ.

— Утромъ успѣете еще навоеваться. Отдохните. Развѣ мало поработали сегодня? Взморились,—звѣнувъ, промолвилъ третій грузный рядовой.—Ишь сколько прошли-то сегодня, шагали, шагали, за ночь отдохнемъ, какъ сдѣшь, не уйдутъ австрійки-то, коли гдѣ попрятались!

Закипѣли котелки, похлебали солдатки чаю съ размоченными сухарями и легли спать. Выставленные караульные зорко наблюдали кругомъ около расположившагося на ночлегъ отряда.

Спали прямо на землѣ. Ни палатокъ, ни другихъ приспособленій для сна въ пылу погони за врагомъ не было захвачено, обозъ не подоспѣлъ. Да ничего, спалось и такъ. Ночь была теплая, хотя роса къ утру и предвидѣлась, но тутъ ближе къ лѣсу, около развѣсистыхъ деревьевъ, она не могла быть чересчуръ обильной.

Тьма стала еще гуще. Точно пролили деготь. Луна долго не всходила, звѣзды были закрыты тучами, только

изрѣдка прорывалась кое-гдѣ серебряная блестка, слабо прорѣзала темноту и снова таяла.

Спали усталые люди, ихъ храпъ слышался въ тишинѣ ночи. Они забыли въ эту минуту, гдѣ находятся, какой опасности избѣгли во время боя, и были нескончаемо счастливы протянуть свои усталыя ноги, разметать руки.

Чутко насторожились часовые, прислушиваясь къ каждому шуму, къ шороху вѣтвей, къ шелесту листьевъ...

Мягкая тишина зачаровывала, сковывала мысль, давала отдыхъ нервамъ.

III.

Корибю Семенову не спалось. Почему?—онъ самъ не зналъ. Усталъ онъ не меньше другихъ своихъ товарищей, и штыкомъ поработалъ не мало, и прошагать пришлось тоже много, а сонъ все-таки не приходилъ къ нему.

Въ головѣ копошилась мысль.

— А что, если и въ самомъ дѣлѣ, тамъ на деревушкѣ австріяки засѣли! Уйдутъ ночью, поганые, не пымать ихъ потомъ.

Вертится солдатикъ на своемъ жесткомъ ложкѣ, а заснуть не можетъ.

— Попытаться посмотрѣть? Ишь, наши-то устали, не пойдутъ никто, а тутъ еще командиръ приказъ далъ, чтобы дальше не ходить. А занято было-бъ пошукать-то!

Разъ западетъ такая дума въ отважную голову, такъ и начнешь сверлить, ни минуты покоя не даешь, надоѣдать станешь, такъ и тутъ было. Пытался было Корибю отвязаться отъ навязчивой мысли, считать въ умѣ зачалъ, о своихъ тамъ далеко въ деревнѣ вспомнилъ, что теперь отецъ дѣласть, поди, и съ озимью управляетъ, матка лень выслала, братишки тоже подмогаютъ. Вспомнилъ онъ и сытаго мерина, на которомъ пахалъ, и Жучку, рыжую собаченку, что, задорно тявкая, по черному поднятому полю бѣгала... Все вспомнилось солдату, а заслонить той думы никакъ не можетъ.

— Э, будетъ, что будетъ,—прошенталъ Семеновъ, тихонько поднялся, оглядѣлся, шинель натянулъ на плечи, ружье поднялъ. Посмотрѣлъ на спавшихъ товарищей, внезапное рѣшеніе охватило его.

Онъ понялъ, что долженъ итти, что-то ему подсказываетъ это, Корибю совѣмъ забылъ и объ опасности, которая предстояла ему, какъ одинокому человѣку въ чужомъ краю, и о возможности заблудиться, и о строгомъ наказаніи—все это исчезло въ эту минуту.

Стараясь не дѣлать шума, онъ осторожно пробирался между своими спящими товарищами, стараясь не наступить на раскинувшіяся руки, не поскользнуться, и чуть ступая

ДОГОНЯЮТЪ! Англичане привыкли въ области техники быть всегда впереди прочихъ народовъ. Но иѣмцы обогнали ихъ въ дѣлѣ сооруженія гигантскихъ смертоносныхъ орудій, придумавъ свою чудовищную 42-сантиметровую пушку. Теперь англичане догоняютъ ихъ. На рисункѣ три снаряда полевыхъ орудій. Первый—того размѣра, который былъ у англичанъ въ началѣ войны, средній—новѣйшаго изготовленія.

по росистой травѣ толстыми подошвами солдатскихъ сапоговъ.

Проскользнуть мимо караульныхъ ему было не трудно. Онъ зналъ, гдѣ они расположены, и, спустившись съ небольшого пригорка, около опушки, Корибю выбрался на поле, мягко ступая по травѣ, потонулъ въ густомъ покровѣ ночи.

Путь его былъ недологъ. Споткнувшись о какую-то выемку, солдатъ убѣдился, что онъ попалъ въ борозду, отдѣляющую поле отъ дороги.

Еще немного, пройдя по твердому пути, передъ Корибю емъ нависла крыша амбара. Это была деревня, дѣль, къ которой онъ такъ стремился.

IV.

Предчувствія не обманули русскаго солдатика. Дѣйствительно, отступая или, вѣрнѣе сказать, спасаясь въ бѣгствѣ, въ мѣстечко забрели нѣсколько австрійскихъ офицеровъ и солдатъ. Съ ними былъ и докторъ. Всѣхъ было 19 человекъ.

Они прибѣжали послѣдними, чувствуя на своихъ плечахъ русскій отрядъ, тотъ самый, который расположился на ночлегъ у опушки лѣса.

Трудно рѣшить, догадались ли объ этомъ австрійскіе бѣглецы, но въ своемъ паническомъ страхѣ они постучались въ дверь перваго попавшагося дома. Оказалось, это былъ домъ ксендза.

— Ступай, Хоряжикъ, говори съ нимъ,—приказалъ одинъ изъ офицеровъ солдату словаку:—ты по-польски хорошо говоришь!

— Пустите, пане ксендзь, почевать, клянемся Богомъ, ничѣмъ васъ не обидимъ, а чуть просвѣтъ глинеть, всѣ уйдёмъ,—упрашивалъ словакъ ксендза.

Поскился ксендзь, не хотѣлось ему пускать нежеланныхъ гостей, онъ велъ переговоры съ ними, не выходя изъ дома, изъ верхняго этажа, въ окно.

Новый типъ французскихъ бронированныхъ автомобилей, снабженныхъ небольшими орудіями и пулеметами. На автомобили эти посажены морскіе стрѣлки.

(Съ фот. С. Левковича).

Въ затопленной Бельгии.

Когда у бельгийцев не хватило войска и снарядовъ, чтобы остановить яростный натискъ нѣмцевъ, они открыли шлюзы и превратили свою цвѣтущую страну въ сплошное болото. Наступленіе нѣмцевъ было сломлено. Имъ пришлось искать спасенія въ бѣгствѣ, бросая орудія и обозы. На паннѣмъ рисункѣ снимокъ съ участка, гдѣ находился весьма значительный отрядъ германцевъ, укѣпившихся въ траншеяхъ. Отъ послѣднихъ не осталось и слѣда. Лишь одинокая пушка да перевернутая каска виднѣются на поверхности сѣрой воды.

(Съ фот. С. Левкови-а).

— Ужъ не знаю, какъ быть, дверь отворять я не хочу, коли хотите почевать, пользайте сюда въ окно!

Словакъ передалъ своимъ товарищамъ о предложеніи ксендза, и австрійцы, тѣся другъ друга, сейчасъ же стали карабкаться по выступамъ дома въ открытое окно.

Они до того сиѣшили, обрадованные, что могутъ гдѣ-нибудь укрыться отъ погони, что сунулись сразу даже трое въ окошко и застряли въ немъ. Кое-какъ протиснулись.

— Теперь, какъ мы уже здѣсь, пане ксендзъ, накормите насъ, мы голодны,—уже перемѣнилъ тонъ, сказалъ одинъ изъ офицеровъ.

— У меня ничега нѣтъ для васъ, господа!—попробовалъ отказать хозяинъ.

— У ксендза-то нѣтъ? Тоже придумалъ! Ну, ну, скорѣе, вытаскивай все на столъ, что есть, просить больше не будемъ, довольно продержалъ насъ тамъ внизу на улицѣ,—дерзко крикнулъ другой офицеръ по-нѣмецки, понявъ, что ксендзъ отказывается.

Чтобы скорѣе заставить хозяина исполнить приказъ, онъ вытанилъ револьверъ и приставилъ его къ груди священнослужителя.

Послѣдній принужденъ былъ раскрыть свои кладовушки и принялся вытаскивать всѣ запасы, какіе имѣлъ.

Австрійцы оживились, дерзость ихъ увеличилась, послышался смѣхъ, одинъ изъ нихъ сломалъ замокъ небольшого шкафчика и сталъ забирать стоявшія въ немъ серебряныя вещи.

Послѣдствѣнный хозяинъ не посмѣлъ возразить.

Г.

Внизу у дверь раздался громкій стукъ. Австрійцы вздрогнули, стали прислушиваться, за минуту задорные и дерзкіе, они сразу притихли, пугливо озирались, видимо, не зная, что дѣлать.

Громкій голосъ внизу прервалъ воцарившееся молчаніе.

— Ксендзъ, а ксендзъ, никакъ у тебя австрійки попрятались?—послышался громкій вопросъ по-русски.

Бѣглецы, притаившись, махали ксендзу, чтобы тотъ не отвѣчалъ.

— Что жъ ты, спишь, что-ли тамъ, отвѣчай!—снова раздалось съ улицы.

— Русскіе!—безпомощно пропенталъ еще недавно такой дерзкій офицеръ:—пропали мы!

Ксендзъ подошелъ къ окну. Его неожиданно охватила смѣлость, желаніе отомстить дерзкимъ гостямъ.

— Есть!—наклонаясь черезъ подоконникъ, твердо отвѣтилъ онъ.

— Ну, такъ что-жъ тамъ медлить-то, давай ихъ сюда! Пусть сдаются!

Еще болѣе перепугались австрійцы. Они поняли, что спастись нельзя, и чуть не въ одинъ голосъ закричали:

— Сдамся, сдаемся!

Одинъ изъ офицеровъ сорвалъ съ постели ксендза простыню и, передавъ ее ксендзу, велѣлъ махать ею въ знакъ сдачи.

— Махайте пожалуйста, побольше, а то еще стрѣлять будутъ, перебыютъ насъ,—умоляюще шепталъ онъ.

— Хорошо! Выходи по одному,—снова крикнулъ невѣдомый врагъ.

Обрадовались австрійки, что стрѣлять не будутъ, и

Собаки, взимаемыя въ бельгийской и англійской арміяхъ для перевозки легкой горной артиллеріи, усердно и несутъ свою тяжелую службу. Какъ видно рисунокѣ, одна изъ собакъ (лѣвая) получила уже въ походѣ рану, в лапы ея перевязаны.

осторожно, одинъ за другимъ, стали спускаться внизъ, къ двери.

Корнѣй,—это былъ онъ.—Стоялъ снаружи у той-же двери и, какъ только первый же врагъ появился на порогѣ, скакалъ:

— Кладъ оружіе!

Австріякъ пѣкорно наклонился и положилъ остатокъ своего вооруженія у ногъ солдата.

Корнѣй, облокотясь на винтовку, зорко слѣдилъ за остальными врагами, робко выльзавшими изъ дверей домика ксендза.

Темнота мѣшала послѣднимъ узнать, много-ли русскихъ находится здѣсь.

Когда вышелъ изъ дверей докторъ, Корнѣй крикнулъ глядѣвшему въ окно ксендзу.

— Много-ли тамъ еще осталось у тебя, ксендзъ?

— Всѣ вышли!

— Ну, становись въ рядъ!

И австріяцы вытянулись.

Только сейчасъ сообразилъ смѣльчакъ: что же ему дѣлать дальше? Вести 19 плѣнныхъ одному представлялось чѣмъ-то невѣроятнымъ: они не только могли убѣжать, но и самого его убить.

VI.

Не спалось что-то двумъ сосѣдямъ ушедшаго Семенова. Потянулись, глаза протерли.

— Эхъ, курнуть-бы хорошо теперь,—подумалъ одинъ изъ нихъ.—А цыгарки свернуть не изъ чего, ни крошки махорки, и бумаги нѣтъ!

Вспомнилось солдату, что у Корнѣя все это въ изобиліи имѣется, пошарилъ, пошарилъ онъ то мѣсто, гдѣ лежалъ еще недавно Семеновъ, и ничего не нашупалъ. Отъ Корнѣя и слѣда не осталось.

Другой солдатикъ проснулся, разговорились, про Корнѣя вспомнили, хватились его.

— Знаешь что, Федоръ, не иначе, какъ Корнюшка нашъ въ деревню ушелъ, ишь онъ съ вечера то вчера больно туда рвался!

— А ну его, ишь безстрашный какой, полѣзъ одинъ!—изумился Федоръ.

— Вотъ то-то, что безстрашный, какъ-бы и впрямъ зря не истратился! Можетъ, австріякъ его приколетъ, поди, сидятъ теперь тамъ, которые, не всѣ убѣгли!

— Въ такомъ дѣлѣ, не иначе какъ пужно къ нему на выручку пойти,—неожиданно рѣшилъ Федоръ.

И оба солдата, не долго думая, схватили свои ружья, сбѣжали съ пригорка и бѣгомъ отправились черезъ поле въ деревню.

— А гдѣ его тутъ пайдешь, по теми-то такой,—разсуждалъ Иванъ Бѣлый, первый изъ нихъ:—онъ, какъ иголка въ стогъ, потонулъ.

— Отыщется, небось, паренъ онъ ловкій.

— Покричимъ что-ль?

И по ночной тишинѣ раздались звонкіе голоса, звашіе пропавшаго товарища.

— Корнѣй Семенычъ, Корнѣй, Корнюшка!

— Здѣсь, ступайте сюда, ребята,—откуда-то изъ темноты заглушенный стѣнами домовъ, отозвался пропавшій солдатъ.

— Идемъ, идемъ,—обрадовались оба его товарища и побѣжали скорѣе.

— Да ну, черти, торопись, дѣло самое нужнѣйшее имѣется!—ушь совсѣмъ близко отъ нихъ прозвучалъ голосъ Корнѣя.—Забирайте плѣнныхъ!

Ничего не понимая, солдатикъ бросился исполнять приказъ Семенова, еще больше наводя страхъ на безоружныхъ австріяцевъ.

— Ксендзъ, а ксендзъ, нѣтъ ли у тебя гдѣ тутъ фурманки, а то и двухъ,—догадался Корнѣй.

Памятникъ меценату.

Открытый па-де-ляхъ памятникъ знаменитому художнику А. П. Куинджи, оставившему свое миллионное состояніе на благотворительныя дѣла, главнымъ образомъ—на поддержку начинающихъ художниковъ.

(Съ фот. Я. Штейнберга).

У ксендза до сихъ поръ еще не прошло зло противъ почтенныхъ посѣтителей, онъ сейчасъ же послалъ служанку съскать гдѣ-то у крестьянъ не двѣ, а три фурманки, то есть, телѣжки, и онъ сейчасъ же подкатили, запряженныя лошаденками. На одну изъ нихъ русскіе положили все оружіе, забранное у австріяковъ, а на двѣ остальные посадили плѣнныхъ и сѣли сами, держа на перевѣсъ ружья.

Но австріяцы и не думали бѣжать. Они не могли до сихъ поръ сообразить, что взяты въ плѣнъ только однимъ солдатомъ, и покорно исполняли все, что онъ имъ приказывалъ...

Когда раздался стукъ колесъ около бивака, часовые окликнули: «кто идетъ», и Корнѣй какъ-то радостно выкрикнулъ:

— Свои, не стрѣляй, австріяцкихъ плѣтуховъ раздобыли! Принимай, жарить будемъ!

Плѣнные не поняли шутки, только у одного словака сжалось испуганно сердце...

— Ладно то ладно, что ты, Семеновъ, привелъ столько плѣнныхъ,—замѣтилъ командиръ отличившемуся солдату,—а все-жъ, наказать тебя бы слѣдовало, зачѣмъ приказъ мой не исполнилъ, ушелъ одинъ. Не справился бы со всѣми, ишь ихъ сколько!

— Ваше высочородіе, русскій-то солдатъ не справится! Никогда этого не было и не будетъ,—увѣренно отвѣтилъ рядовой, не придавая особаго значенія своему исключительному подвигу.

Г. Полиловъ.

Развѣдка.

(Письмо съ войны).

1.

— Вольноопредѣляющійся Арсеньевъ, вы должны полетѣть черезъ часть. Постарайтесь хорошенько высмотрѣть расположение нѣмцевъ. Только смотрите—держитесь высоко... Не то васъ подстрѣлятъ, и мы лишимся нашего славнаго летчика... До свиданья... желаю успѣха...

Генераль привѣтливо кивнулъ молодому авіатору и торопливыми, очень крѣпкими для своихъ шестидесяти лѣтъ, шагами повернулъ къ ожидавшему его автомобилю. Авіаторъ позвалъ механиковъ—и черезъ нѣсколько минутъ на мокрой отъ трехдневнаго, непрерывнаго дождя лужайкѣ, стоялъ аэропланъ, а кругомъ суетились солдаты, готовя полотняную птицу къ полету.

Вольноопредѣляющійся Арсеньевъ, не смотря на свои скромные солдатскіе погоны, несмотря на свои двадцать одинъ годъ,—уже зналъ, что такое слава и извѣстность. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда авіація послѣ первыхъ опытовъ и исканій сдѣлалась моднымъ увлекательнымъ спортомъ, снѣ, восемнадцатилѣтній студентъ-политехникъ, поступилъ въ авіаціонную школу, а черезъ нѣсколько недѣль блестяще сдалъ пилотскій экзаменъ, поразивъ учителей и инструкторовъ головокружительною восьмеркой. На воздухоплавательной нефлѣ въ теченіе всѣхъ семи дней, когда чуть ли не вся столица выѣзжала за городъ, на большой аэродромъ, снѣ посхищала всѣхъ своими смѣлыми, высокими полетами. Газеты писали о немъ восторженные отчеты, помѣщали его портреты, а экспансивный фельетонистъ «Жизни» называлъ его «молодымъ принцемъ воздуха»...

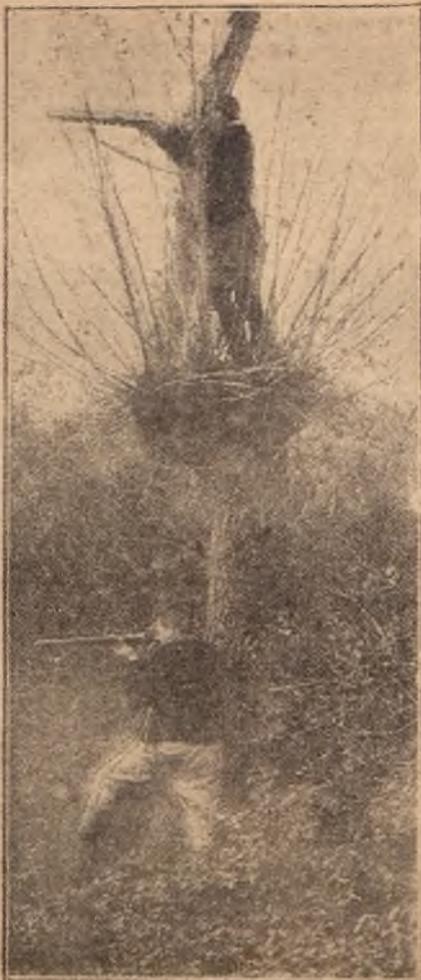
Арсеньевъ взялъ лучшіе призы и съ этого момента цѣликомъ ушелъ въ авіацію. Увлекающійся, опьяненный успѣхомъ, шумной газетной рекламой и нарождавшейся популярностью, онъ забросилъ институтъ, съ его томительными лекціями и трудными экзаменами, уговорилъ отца, богатаго волжскаго помещика, купить ему семидесятисильный «блеріо» и поѣхалъ по городамъ показывать провинціи дотолъ невѣдомое, новое искусство челоуѣка-птицы. Черезъ полгода Арсеньева знала почти вся Россія.

Потомъ Парижъ. Два мѣсяца пробылъ летчикъ у самого Блеріо; знаменитый французъ былъ въ восторгѣ отъ русскаго ученика. Они совершили вмѣстѣ нѣсколько большихъ полетовъ, и парижская пресса уже печатала на первыхъ страницахъ своихъ еженедѣльниковъ двойной портретъ—«Луи Блеріо и его знаменитый русскій ученикъ Арсеньевъ».

Потомъ снѣ вернулся въ Россію, опять взялъ нѣсколько большихъ призовъ, а когда началась балканская война—чуть ли не въ первый день отправился въ Сербію, и въ теченіе всей блестящей эпопеи турецкаго разгрома смѣлыми, красивыми полетами помогать сербской арміи.

Война кончилась; Арсеньевъ вернулся въ Россію. Слава, извѣстность и кокетливая орденская ленточка въ петлицѣ...

Нѣсколько большихъ перелетовъ въ голь съ неизмѣнными крупными призами дала двадцатилѣтнему юношѣ

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Фландріи перестрѣлка ведется въ два и три этажа. Взобравшись на деревья, бельгійскіе стрѣлки мѣткими выстрѣлами подбиваютъ «пѣмецкую дичь», также скрывающуюся среди древесныхъ сучьевъ.

за лѣтніе мѣсяцы пятнадцать-двадцать тысячъ, а остальную часть года Арсень-

Англійская батарея, замаскированная въ кустахъ, на сѣверномъ побережьи Франціи.
(Съ фот. С. Левковича).

евъ безопасно жилъ въ столицѣ, проводя время въ безалаберной суетѣ легкомъсленныхъ приключеній и тщательномъ изученіи дорогихъ ресторановъ. Неожиданный, громкій успѣхъ кружилъ ему голову. А тутъ еще постоянные комплименты въ печати, атмосфера рекламы и газетнаго шума, цѣлый хвостъ поклонниковъ и поклонницъ. Послѣднихъ было особенно много. Да и не мудрено. Извѣстный авіаторъ былъ удивительно красивымъ, высокимъ, стройнымъ юношей, съ большими искрящимися глазами и матовымъ румянцемъ свѣжихъ, почти дѣтскихъ, щекъ.

День незамѣтно проходилъ въ яко-бы дѣловыхъ бесѣдахъ съ директорами заводовъ, товарищами-авіаторами, конструкторами, изобрѣтателями, журналистами. Вечера въ ресторанъ, въ клубъ или на балу. Въ городѣ говорили о его сказочныхъ выигрышахъ, о модной испанкѣ изъ Акваріума, о какой-то миллионершѣ-казачкѣ, перекочевавшей въ столицу изъ своихъ донскихъ помѣстій только для того, чтобы познакомиться съ извѣстнымъ авіаторомъ... Жизнь казалась ему какимъ-то непрерывающимся праздникомъ...

2.

Съ самаго начала войны, въ тотъ же самый день, когда по улицамъ всѣхъ русскихъ городовъ заперѣли свѣтлые листки мобилизаціонныхъ указовъ, Арсеньевъ поступилъ въ авіаціонный отрядъ, и скромнымъ вольноопредѣляющимся, несмотря на всѣ свои авіаціонныя заслуги, отправился на театръ военныхъ дѣйствій.

До сихъ поръ не было еще ни одного большого дѣла. Нѣсколько небольшихъ рекогносцировокъ—невысоко и недалеко; а затѣмъ, когда наступила пора дѣйствовать, то либо мѣшала дождь, либо не было приказовъ,—и приходилось ограничиваться небольшими, пятиминутными пробными полетами.

—Сижу безъ дѣла,—недовольно думалъ Арсеньевъ,—пустынями занимаюсь... Вотъ, если бы какой-нибудь большой полетъ... залетѣть бы далеко къ нѣмцамъ... это я понимаю...

И вотъ сегодня, наконецъ, представил

У Ипра, когда немцы уже торжествовали победу, английская пехота могучим натиском смяла и отбросила корпус прусской гвардии и решила участь сражения в пользу союзников.

ся случай. Задача была, действительно, серьезная, и, принимая во внимание немецкие силы, довольно трудная. Правда, у Арсеньева был уже опыт войны, но там в Сербии—было не то; турки не могли мешать его полетам, а иногда целые полки в суевѣрном ужасе бросались на землю, завидѣвъ летящій аэропланъ. Невѣжественные, полудикіе малоазіатскіе аскеры принимали его «блеріо» за какое-то фантастическое, адское животное.

Теперь, готовясь къ полету, Арсеньевъ испытывалъ волненіе. Онъ не боялся. Нѣтъ. Этого чувства онъ никогда не зналъ; но его волновала отвѣтственность и серьезность задачи.

— Готово, ваше благородіе...

По какой-то внутренней, неписанной въ уставѣ, субординаціи механикъ всегда отдавалъ Арсеньеву честь и называлъ вольноопредѣляющагося «ваше благородіе».

Авиаторъ привычно взобрался на сидѣнье, дѣловито и спокойно провѣрилъ рычаги. Механикъ закрутилъ винтъ, и «блеріо», вздрогнувъ, рванулся впередъ, пробѣжалъ нѣсколько шаговъ по блестящей мокрой травѣ и, словно подпрыгнувъ, поднялся на воздухъ. Арсеньевъ рѣзко повернулъ руль высоты: аппаратъ, сильно накренясь отъ набѣжавшаго предвечерняго вѣтра, пошелъ наверхъ, вонзаясь бѣлыми крыльями въ темный воздухъ...

3.

Съ высоты почти шестисотъ метровъ и окопы, и лѣсъ, и вьющаяся лента рѣки—все казалось нарисованнымъ на гигантской географической картѣ. Полотно желѣзной дороги мелькало едва замѣтной линіей, а многовагнные, длинные

поезда—меньше дѣтской игрушки! Людей совсѣмъ не было видно; только по двигающимся сѣрымъ пятнамъ, приплюснутымъ къ поверхности земли,

Генералъ фонъ-Макензель, командующій германской арміей, дѣйствующей въ лодзинскомъ районѣ. Недавно онъ получилъ личное письмо отъ Вильгельма съ благодарностью за то, что ему удалось спасти свои корпуса изъ желѣзныхъ тисковъ русской арміи.

(Съ фот. С. Левковича).

Арсеньевъ догадывался, что это—солдаты.

Онъ снова повернулъ рукоятку и поднялся еще выше. Несмотря на громадную скорость, съ которой двигался аэропланъ, движенія совсѣмъ не было замѣтно; получалось такое впечатлѣніе, будто аэропланъ неподвижно паритъ въ воздухѣ, совершенно не двигаясь съ мѣста. Арсеньевъ немного спустился и полетѣлъ надъ громаднымъ чернымъ пятномъ сосноваго лѣса. Черезъ четверть часа зарѣдѣли зеленыя верхушки, показалось поле и за нимъ цѣлый рядъ едва замѣтныхъ канавокъ съ копошившимися въ нихъ людьми.

— Немцы!..

Онъ взглянулъ на барографъ—пятьсотъ метровъ, и полетѣлъ дальше надъ немецкими позиціями. Все расположеніе враговъ было видно сверху, какъ на ладони. Линіи окоповъ, полумаскированные батареи, лагерныя палатки и большія плотныя массы людей, тянувшіяся по извивающей лентѣ пыльнаго шоссе.

Арсеньевъ внимательно смотрѣлъ внизъ, стараясь запомнить всѣ подробности, иногда зажмуривая глаза, чтобы провѣрить себя и представить въ умѣ всю картину немецкихъ позицій.

— Не вернуться ли назадъ?... подумалъ онъ,—замѣтятъ... начнутъ стрѣлять... лучше вернуться...

Но молодой задоръ и привычное желаніе поиграть съ опасностью дразнили его.

— Нѣтъ!.. полечу дальше... подымусь выше... не достанутъ, ерунда...

А снизу, действительно, уже замѣтили русской аэропланъ, и то тутъ, то тамъ въ воздухѣ засверкали зловѣщіе огоньки и

бѣлый дымъ выстрѣловъ. Гдѣ-то загрохотала пушка, и вдогонку подымавшемуся аэроплану понеслись тяжелые снаряды, съ трескомъ рвавшіеся въ синевѣ вечерняго воздуха. Арсеньевъ быстро мѣнялъ направленіе, и пули со свистомъ пролетали мимо, не попадая въ аппаратъ. Только одинъ разъ пуля коснулась крыла, но пронеслась мимо, оцарапавъ деревянную стойку.

Авиаторъ поднялся еще выше—барографъ показывалъ почти тысячу метровъ, и, повернувъ на сѣверъ, сталъ медленно огибать нѣмецкія позиціи, направляясь обратно. Онъ напряженно смотрѣлъ внизъ и вдругъ замѣтилъ, какъ съ поля, прямо подъ нимъ, поднялся и полетѣлъ навверхъ аэропланъ. Нѣмецъ быстро, въ какія-нибудь двѣ-три минуты, поднялся на одинаковую съ нимъ высоту и летѣлъ сзади. Арсеньевъ уже скоро могъ ясно рассмотреть, несмотря на сгущавшіяся сумерки, нѣмецкій аэропланъ и темную фигуру, сидѣвшую за рулемъ.

— Погоня,—пронеслось въ головѣ Арсеньева,—ничего... не дамся, не догонитъ...

Обернулся—нѣмецъ гнался за нимъ, и съ каждой минутой разстояніе между двумя аэропланами сокращалось. Вотъ просвистѣла и беззвучно ударилась о спинку сидѣнья пуля. Арсеньевъ взялъ сплюснутый кусочекъ металла и внимательно осмотрѣлъ его.

— Изъ револьвера... ну, это не такъ страшно...

Онъ вынулъ изъ кобуры браунингъ и, прицѣлившись, выстрѣлилъ въ нѣмца.

Мимо...—подумалъ Арсеньевъ и, оставивъ револьверъ, снова схватилъ рычаги.

Барографъ показывалъ тысячу двѣсти метровъ. Нѣмецкій аэропланъ шель немного ниже, но уже настолько близко, что Арсеньевъ, оглядываясь назадъ, могъ рассмотреть лицо нѣмецкаго авиатора. Чуть-ли не каждую секунду свистѣли пули, но пролетали мимо, лишь изрѣдка вадѣвая и царапая крылья аэроплана.

Каждое мгновеніе непріятельская пуля могла попасть въ аппаратъ, подбить его, а тогда смерть... Мысли пронеслись въ головѣ Арсеньева съ безпорядочной быстротой. Ему уже не разъ приходилось бывать въ опасныхъ положеніяхъ и думать о смерти. Но ран-

Живой тресфей.

Первый въ мірѣ боксеръ, а нынѣ знаменитый французскій летчикъ Карпантье во время одной изъ своихъ отважныхъ воздушныхъ развѣдокъ опустился въ тылу расположенія германскихъ войскъ и, захвативъ собаку, принадлежавшую, какъ оказалось, самому кронпринцу, благополучно доставилъ ее на французскія позиціи. Собаку въ честь его перваго владѣльца онъ назвалъ «кронпринцемъ»; нынѣ собака предана ему до того, что не хочетъ отстать отъ него ни на минуту, и охотно сопровождаетъ его на аэропланѣ во время его смѣлыхъ полетовъ.

— Это было другое дѣло. Раньше онъ боролся со стихіей и, не боясь ея, всегда выходилъ побѣдителемъ изъ этой

борьбы. Но теперь, теперь, когда за нимъ гонится какой-то чужой человѣкъ, врагъ, летитъ только съ однимъ яростнымъ желаніемъ убить, непремѣнно убить его, Арсеньева, который никогда съ нимъ не встрѣчался, никогда не сдѣлалъ ему ничего дурного,—теперь онъ вдругъ почувствовалъ себя какимъ-то загнаннымъ звѣремъ, котораго преслѣдуетъ неумолимый, жадный охотникъ...

Быстро пронесся рой случайныхъ мыслей и воспоминаній. Студенческие годы, первый полетъ, успѣхъ, война, почему-то пронеслось одутловатое припудренное лицо ресторанныго румына и гибкая фигура эстрадной испанки, потомъ все смѣшалось, и только сухой трескъ пули, снова вонзившейся въ спинку сидѣнья, вернулъ ему ясное сознание...

Онъ обернулся—врагъ летѣлъ уже на одинаковой съ нимъ плоскости и, всего какихъ-нибудь пятьдесятъ-шестьдесятъ метровъ отдѣляли ихъ другъ отъ друга. Нѣмецъ цѣлился въ него изъ револьвера.

— Ну, будь, что будетъ... Поверну назадъ и пройду надъ нимъ...

Арсеньевъ вспомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ на аэродромѣ возлѣ Парижа, во время большихъ состязаній, когда одинъ аппаратъ прошель почти вплотную надъ другимъ, его товарищъ—капитанъ Форестье, пилотъ нижняго аэроплана, разбился вдребезги.

Арсеньевъ рѣзкимъ движеніемъ повернулъ свой аппаратъ и, взявъ высоту въ нѣсколько метровъ, полетѣлъ прямо на нѣмца.

...Сейчасъ, сейчасъ... онъ пройдетъ сейчасъ надъ непріятельскимъ аэропланомъ. Арсеньевъ зажмурилъ глаза...

Прошло нѣсколько секундъ, и, когда онъ оглянулся назадъ, нѣмецкій аэропланъ, безпомощно повернувшись въ воздухѣ, медленно опускался, еще поддерживаемый воздушнымъ напоромъ своихъ крыльевъ, а внизу, почти у самой земли, широко раскинувъ руки и ноги, падалъ выброшенный авиаторъ...

Когда трупъ нѣмца изуродованнымъ кровавымъ комкомъ распластался на землѣ, Арсеньевъ былъ далеко. Барографъ показывалъ свыше тысячи метровъ, а въ черкотѣ спустившейся ножи уже мелькали впереди огоньки русскаго лагеря.

Ал. П—овъ.

Съ кѣмъ Италия?

Пока итальянскіе дипломаты ищутъ способвъ разрѣшенія весьма запутаннаго вопроса о томъ, какъ имъ выступить противъ своихъ официальныхъ союзниковъ и обрушиться на Австрію, итальянскій народъ, слѣдуя влеченію своего сердца и велѣніямъ здраваго смысла, посылаетъ къ французамъ на помощь своихъ волонтеровъ, легионъ за легиономъ. Одинъ изъ этихъ отрядовъ изображенъ на нашемъ рисункѣ. Это все молодцы, какъ на подборъ.

Праздникъ героевъ.

Ежегодное собраніе георгиевскихъ кавалеровъ въ Народномъ Домѣ въ нынѣшнемъ году носило особенно трогательный и торжественный характеръ. На празднествѣ присутствовали новопроизведенные кавалеры, герои нынѣшней войны. На первомъ планѣ видны раненые, принесенные на праздникъ на носилкахъ. На ихъ мужественныхъ лицахъ—радость и сознаніе чести исполненнаго долга.

(Съ фот. І. Оцупъ).

Вѣковые страстотерпцы.

(Отъ нашего корреспондента).

До сихъ поръ въ памяти моей живы та ночь и тотъ рыдающій восточный мотивъ. Это было давнѣе. Я направлялся изъ Одессы въ Константинополь. Время тогда для рейсовъ по Черному морю было отвратительное—въ Россіи кой-гдѣ погуливала холера, и турки устанѣли на Синопѣ карантинъ для всѣхъ русскихъ пассажировъ. Карантинъ былъ вѣрской. Людей держали по пяти сутокъ въ досчатыхъ баракахъ, въ щеляхъ которыхъ дулъ холодный морской вѣтеръ, на голомъ и грязномъ полу. Попалъ и я въ этотъ карантинъ, въ разношерстную толпу турокъ, персовъ, болгаръ, черкесовъ, армянъ, русскихъ и мусульманскихъ паломниковъ. Ну, и намытарился-же я! Однажды ночью я никакъ не могъ уснуть. Лежу въ полутемномъ баракѣ на постланномъ на полу пальто и прислушиваюсь съ тоской къ шуму волнъ и вою морского вѣтра за тонкой стѣной. Вокругъ меня, тѣсно набившись, спали паломники, и храпъ и свистъ ихъ мѣрно перекатывались по бараку. Вдругъ за простѣнкомъ въ смежномъ баракѣ кто-то запѣлъ. Сперва робко, затѣмъ все смѣлѣе пѣлъ невѣдомый пѣвецъ. Пѣлъ армянинъ. И я заслушался. Впервые слышалъ я такое задумчивое пѣніе. Точно кто-то жаловался на свои раны, плакался на судьбу, молился. Рядомъ со мной дремалъ грязный и тупой курдъ—константинопольскій грузчикъ. Пѣснь разбудила его, и, привставъ на своей подстилкѣ и широко

Его Императорское Высочество принцъ А. П. Ольденбургскій среди раненыхъ героевъ въ Народномъ Домѣ. Впереди, на койкѣ, сестра милосердія О. М. Попова, раненная во время геройскаго исполненія долга въ Туансе при бомбардировкѣ города турецко-германскими судами.

(Съ фот. Я. Штейнберга.)

Рентгеновскіе снимки раненыхъ.

Осколокъ нѣмецкой гранаты въ кисти французскаго солдата. На осколкѣ замѣтенъ слѣдъ винтовой нарезки.

Осколокъ нѣмецкаго мортирнаго снаряда въ стопѣ французскаго офицера.

Французская прапелъная пуля въ пяткѣ нѣмецкаго солдата.

раскрывъ глаза, онъ, какъ и я, съ изумленіемъ прислушивался къ пѣлю чуждаго и враждебнаго ему армянина.

Сейчасъ, когда я внимательно присматриваюсь къ мѣстнымъ константинопольскимъ армянамъ, я начинаю понимать, что такъ пѣть можетъ только армянинъ, представитель величайшихъ въ мірѣ страстотерпцевъ послѣ евреевъ,

брошенныхъ Европой на съденіе курдовъ — этихъ гнѣнь, не считающихся ни съ какими законами. Такое пѣіе можетъ родиться только у безправнаго, загнаннаго народа изъ турецкой Арменіи.

Если положеіе наше — русскихъ, французовъ, англичанъ, бельгійцевъ, застрявшихъ въ Константинополь, ужасно, то положеніе турецкихъ и русскихъ армянъ вонстину трагическое. Ихъ пока особенно не трогаютъ, но за то и на секунду не выпускаютъ изъ виду. Они напоминаютъ загнанную въ уголъ мышъ, передъ которой сидитъ котъ. Котъ могъ бы сейчасъ же накинуться и прикончить ее, но онъ не торопится; ему пріятна ея безпомощность, и его тѣшитъ ея испугъ.

Въ эти тревожные на востокъ дни христіане предпочитаютъ поменьше попадаться на глаза мусульманамъ. Но все-же на улицахъ Перы и Галаты ихъ довольно много. Армянъ-же совершенно не видать; забились, какъ сурки по своимъ норамъ, и рѣдко-рѣдко увидишь черную, худую фигуру съ характернымъ длиннымъ носомъ и большими печальными глазами старой армянки, опасливо прибирающейся вдоль стѣны въ черши (базаръ).

Армяне забросили всякую торговлю, общеніе съ сосѣдями. Вчера я заглянулъ въ ихъ кварталъ и былъ пораженъ мертвой тишиной. Не кварталъ, а кладбище. Въ дома заколочены. На однихъ воротахъ я видѣлъ два огромныхъ двухпудовыхъ замка, а на другихъ — саженный желѣзный болтъ. Видѣлъ я и рѣшетки на окнахъ съ прутьями толщиной въ кулакъ. Я прошелъ вверхъ и внизъ, и никого не встрѣтилъ. Только въ одномъ домѣ, — я скорѣе почувствовалъ, чѣмъ услышалъ, — тихонько приподнялся на онѣхъ деревянный щитъ, и въ просвѣтѣ мелькнуло блѣдное женское лицо и тотчасъ же исчезло. Я, хотя и былъ одѣтъ европейцемъ, но меня могли принять за австрійскаго агента.

Армяне ежеминутно ждутъ рѣзни, а она неминуема. Поговариваютъ, что уже идутъ приготовления къ боинѣ. Въ «каракколахъ» будто раздаютъ бечки (ночнымъ сторожамъ) тяжелыя дубинки, утыканныя шипами, ножи и кастеты.

Младотурки, зная это, ни сколько, однако не стараются повліять въ обратную сторону на турецкія фанатичныя головы. Они даже поощряютъ всякія розсказни въ печати о предательствѣхъ армянъ. Армяне — шпионы, проводники русскихъ солдатъ въ Турецкой Арменіи, сигнализаторы и проч. Недавно турецкія печать цѣликомъ привела вы-

держку изъ описаній въ ростовскихъ газетахъ паломничества въ Крестовоздвиженскій армянскій монастырь армянскихъ дружинниковъ; они отправились за благословеніемъ къ настоятелю монастыря на бой съ ненавистнымъ турецкимъ правительствомъ. Приведена и рѣчь настоятеля, старца о. Вогана, говорившаго о свободной Арменіи.

«Танинъ» — больше всѣхъ натравляющій мусульманъ на армянъ, ядовито и цинично замѣтилъ: «принявъ благословеніе о. Вогана, дружинники во дворѣ монастыря разожгли костры и сварили себѣ «мадагъ». Не послѣдуютъ ли ихъ примѣру мѣстная армянская колонія? Или она ждетъ, чтобъ ей сварили «мадагъ» курды? А курды умѣютъ варить «мадагъ» почише армянъ».

А «Икдамъ», въ такомъ-же тонѣ рекомендуетъ армянамъ оставить скромность и съ пѣніемъ своего гимна «Мейръ Арейникъ» поспѣшить на встрѣчу товарищамъ изъ Ростова, идущимъ завоевывать вмѣстѣ съ казаками турецкую Арменію.

При такомъ настроеніи въ турецкой печати и народѣ — ясно, что ждать въ ближайшемъ времени константинопольскихъ да и всѣхъ турецкихъ армянъ.

Сегодня у меня былъ товарищъ, корреспондентъ одной армянской газеты, армянинъ. Онъ, противъ ожиданія, былъ совершенно спокоенъ и много и страстно говорилъ о готовности своихъ соплеменниковъ испить чашу до дна.

Вотъ его слова:

— Если вы наблюдали въ послѣднее время нашихъ константинопольскихъ армянъ, то вамъ должна была броситься въ глаза ихъ полная примиренность съ судьбой. Никто изъ насъ не сомнѣвается, что для армянъ насталъ великій моментъ. Должно рѣшиться — быть Арменіи самостоятельной политической единицей, или остаться навсегда жалкой рабой. Мы докатились до послѣдней точки страданія и униженія. Вы знаете, въ какое положеніе поставлены мы безсовѣстнымъ турецкимъ правительствомъ. Мы дня не можемъ прожить безъ того, чтобы не быть увѣренными въ томъ, что сегодня не пагрянутъ курды, не отберутъ нашихъ пастбищъ, не разгромятъ

Жена члена Государственнаго Совѣта, С. П. Денисова, въ костюмѣ французской сестры милосердія. Устроивъ въ Марсели русскій госпиталь для раненыхъ французскихъ воиновъ, г-жа Денисова недавно вернулась въ Петроградъ и работаетъ въ одномъ изъ столичныхъ лазаретовъ.

(Съ фот. А. Михайлова).

дсмовъ и не уведуть дочерей и женъ къ себѣ. Они споконъ вѣка не дають намъ жить мирно. И попробуйте пожаловаться кади на курда. За свою дерзость вы рискуете поплатиться и остатками добра. Правительство не только не караетъ этихъ головорѣзовъ, но поощряетъ, и для того, чтобы этотъ явный грабежъ какъ-бы узаконить, оно обязало армянъ подъ страхомъ казни не носить оружія. Если поэтому курды на вашихъ глазахъ будутъ безчестить дочь, вы не сумѣете защитить ее. Послѣ Берлинскаго трактата мы долго ждали, когда, наконецъ, турецкое правительство сдержитъ слово и осуществить обѣщанныя реформы— оградить безопасность армянъ отъ курдовъ и черкесовъ. Но Абдуль-Гамидъ, этотъ красный звѣрь, не только медлитъ проведеніемъ реформъ, но, какъ садистъ, довелъ до послѣднихъ предѣловъ мучительства армянъ. Онъ отдалъ армянскій народъ всецѣло во власть дикихъ гамидійцевъ — конныхъ курдовъ изъ регулярныхъ войскъ, и 30 лѣтъ непрерывно рѣками лилась армянская кровь. Слышали, какъ въ одну ночь 4 тысячи армянъ были вывезены на баржахъ въ Черное море и потоплены, какъ сотнями бросали ихъ въ огонь, какъ вѣшали ихъ внизъ головой на перекладинахъ дверей? Армяне — величайшіе вѣковые страстотерпцы. Таитья намъ теперь, прятать свои настоящія чувства невозможно, да и нельзя. Турки великолѣпно, они вѣдь не ослы, освѣдомлены обо всемъ—о дружинникахъ изъ русскихъ армянъ, о готовности турецкихъ армянъ служить вѣрой и правдой Бѣлому Царю—показывая дорогу въ непроходимыхъ ущельяхъ и горахъ русскому воинству, несущему имъ вмѣстѣ съ побѣдами свободу. Мы сожгли всѣ корабли и готовы принять еще много мукъ, дабы разъ навсегда избавиться отъ кошмара въ лицѣ турецкаго правительства. Вотъ недавно

Министръ народнаго просвѣщенія Л. А. КАСО († 26 ноября) въ гробу.
(Съ фот. Я. Штейнберга).

я получилъ письмо изъ Адана—центра легендарныхъ армянскихъ погромовъ. Тамъ, пишутъ, второй день идетъ уже рѣзня. И пусть. Эта святая кровь— послѣдняя на алтарь независимости Арменіи. Въ Аданской рѣзнѣ я вижу доказательство растерянности турецкаго правительства. Красный звѣрь чувствуетъ, что часъ его пробилъ, и въ безсиліи вымещаетъ свою злобу на неповинныхъ женщинахъ и дѣтяхъ...

Конечно, коллегѣ моему настроеніе армянской массы вѣдомо больше, чѣмъ мнѣ. Я склоненъ вѣрить, что, сознавая

всю важность настоящаго момента, армянскій народъ приготовился ко всему. Но все-же часть его пребываетъ въ большомъ страхѣ, и дрожитъ, и трепещетъ, какъ ягненокъ подъ ножомъ мясника.

Джаффаръ-бей.

Отъ редакціи.

Всякому представляется возможность приобрести полное собраніе сочиненій слѣдующихъ 20 русскихъ классиковъ: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, И. А. Крылова, А. С. Грибоѣдова, С. Т. Аксакова, Н. Г. Помяловскаго, А. А. Марлинскаго, Д. И. Фонвизина, Императрицы Екатерины II, М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковскаго, Т. Г. Шевченка, Л. А. Мейера, А. А. Дельвига, И. И. Хемницера, М. Н. Загоскина.

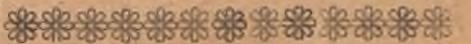
Эти сочиненія помѣщены въ 104 книгахъ, отпечатанныхъ четкимъ прифтомъ на глазированной бумагѣ.

Всѣ двадцать авторовъ даются какъ приложение къ третьему изданію самаго распространеннаго еженедѣльнаго журнала «Всемирная Панорама».

Первые 5,000 подписчиковъ получаютъ сразу съ № 1 журнала 52 книги, содержащія полное собраніе сочиненій слѣдующихъ 10 классиковъ: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, И. А. Крылова, А. С. Грибоѣдова, С. Т. Аксакова, Н. Г. Помяловскаго, А. А. Марлинскаго, Д. И. Фонвизина.

Для приобретения этой цѣнной библиотеки нужно затратить сразу **ТО ПЯТО РУБЛЕЙ**. (Подробности см. въ объявленіи на 2-й страницѣ обложки.)

Лица, желающія получить библиотеку въ началѣ года, благоволятъ поторопиться съ подпиской, иначе, въ виду большаго наплыва подписчиковъ, можетъ произойти задержка въ высылкѣ журнала.

И это не помогаетъ.

Чтобы поднять сильно упавшій духъ германской арміи, императоръ Вильгельмъ тысячами раздастъ Железные Кресты (нѣмецкій Георгій), а въ странѣ распространять въ милліонахъ экземпляровъ открытки съ изображеніемъ сцены истребленія. Мы воспроизводимъ одну изъ этихъ открытокъ.

(Съ фот. С. Левковича).

„Вся нація съ героями“.

Июпекія гейши цѣлыми днями сидятъ за работой по изготовленію подарковъ солдатамъ, находящимся на театрѣ войны. (Съ фот. С. Левковича).

Грозный вопросъ.

(Война и хлѣбъ).

Въ газетахъ приводилось на-дняхъ распоряженіе германскаго министра торговли о необходимости соблюдать экономію въ потребленіи хлѣба.

«Германія борется съ массой враговъ, желающихъ ее уничтожить,—пишетъ министръ.—Имъ не удастся побѣдить наши чудныя войска, но враги хотятъ взять насъ голодомъ. У насъ довольно зерна, чтобы прокормить население до будущаго урожая. Нельзя только растрачивать запасы и скармливать зерно скоту. Берите поэтому хлѣбъ и употребляйте это своимъ дѣтямъ. Не бросайте черствыя крошки хлѣба, не рѣжьте больше кусковъ, чѣмъ нужно для немедленнаго употребленія. Помните о нашихъ солдатахъ на передовыхъ позиціяхъ, которые были бы рады имѣть тотъ хлѣбъ, который вы выбрасываете. Не слѣдуетъ чистить картофеля до варки, такъ какъ его при этомъ много теряется непригоднымъ...» И т. д.

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій наша главная противница, Германія, обратила исключительное свое вниманіе на вооруженіе арміи и ея техническое оборудованіе.

Въ то же время она заботилась объ увеличеніи своихъ золотыхъ запасовъ. Вся экономическая жизнь Германіи шла въ сторону индустріальнаго развитія, вопросъ же продовольствія, т. е., главнымъ образомъ, о заготовленіи разнаго рода

продовольственныхъ хлѣбцовъ, волею злой судьбы въ Германіи былъ отодвинутъ на задній планъ.

И теперь передъ Германіей, какъ, конечно, и передъ Австро-Венгеріей, если можно еще говорить объ этой, разлѣзающейся по всѣмъ швамъ, двуединой монархіи, всталъ грозный вопросъ о надвигающемся хлѣбномъ голодѣ. Конечно, для Россіи этого вопроса не существуетъ, такъ какъ она всегда, по справедливости, считалась главной житницей Европы. Россія—богатѣйшая сельскохозяйственная страна, со своими необозримыми полями и огромнымъ двухсотмилліоннымъ населеніемъ, производитъ столько хлѣба, что въ состояніи не только удовлетворить самымъ полнымъ образомъ всѣ потребности внутренняго рынка, но и вывозить за-границу отъ 600 до 800 мил. пудовъ хлѣба, т. е. приблизительно на сумму въ 600 мил. рублей.

Положеніе ясное: ни прекрасное вооруженіе германской арміи, ни находящіяся въ подвалахъ ея государственнаго банка многочисленныя мѣшки съ золотомъ не могутъ дать ей хлѣба. Для того, чтобы сдѣлать такіе выводы, крайне зловѣщія, конечно, для страны, которая своими злодѣйскими дѣяніями вызываетъ проклятія всего міра, не надо быть оптимистомъ и желать ей скорѣйшаго пораженія. На лицо неопровержимые факты. Германія ежегодно въ теченіе трехъ-четыреухъ мѣсяцевъ жила привозной изъ Россіи пшеницей. Вообще, считая ввозъ въ Германію разнаго сырья для промышленныхъ цѣлей, пищевыхъ продуктовъ и скота, слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что ввозъ ея доходилъ до огромной цифры въ 10 милліардовъ марокъ.

Всѣ въ рядахъ арміи.

Извѣстный французскій писатель Шеръ Лотп, большой знатокъ жизни балканскихъ народовъ, и его сыгъ, оба въ мундирахъ офицеровъ французской арміи.

изъ которыхъ около половины приходилось на хлѣбные товары. Такъ, напримеръ, производство хлѣбовъ въ Германіи доходило въ круглыхъ цифрахъ до сорока милл. квинталовъ, т. е. до 55 милл. гектолитровъ. Если принять во вниманіе, что все германское населеніе въ теченіе года потребляетъ до 75 мил. гектолитровъ, то слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что Германія нуждается ежегодно въ привозѣ до 20 мил. квинталовъ пшеницы.

До войны вопросъ разрѣшался легко. Германія вывозила продукты своего промышленнаго производства, а ввозила сырье, полуфабрикаты, пшеницу и скотъ; такимъ образомъ, положеніе уравновѣшивалось. Теперь сно измѣнилось: ввозъ, какъ и вывозъ, т. е. вся внѣшняя торговля Германіи почти приостановились, благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ англо-французскаго и русскаго флота. И Германія никакими мѣрами, конечно, не можетъ возмѣстить остановку въ привозѣ пищевыхъ продуктовъ и скота. Нельзя сказать, чтобы Германіей не предвидѣлась такая возможность, почему тамъ неоднократно проповѣдывалась мысль о необходимости создать огромные запасы хлѣба, которые должно сохранять въ размѣрѣ не меньше 2-хъ мил. тоннъ пшеницы въ особыхъ цементированныхъ амбарахъ.

Къ счастью для всего міра, Германія не оказалась достаточно предусмотрительной, и дѣятельно вооружая свою армію гаубицами и мортирами, забыла обезпечить страну отъ возможнаго финансоваго краха и отъ голода, который явится, конечно, въ недалекомъ будущемъ слѣдствіемъ недостатка хлѣба въ Германіи.

Недостатокъ хлѣба, главнымъ образомъ, пшеницы, явленіе обычное не толь-

Скончавшіяся на дняхъ въ Петроградѣ сибирскій губернаторъ И. И. Крафтъ, родившіяся въ семьѣ ссыльно-поселенца въ Якутской области и начавшія свою административную карьеру съ должности помощника волостного писаря. Упорнымъ трудомъ И. И. добился, уже во время своей службы по администраціи, диплома вышенаго учебнаго заведенія и, постепенно повышаясь въ чинахъ, подъ конецъ своей необычайной карьеры занималъ должность начальника губерніи, во много разъ превосходящей размѣрами любое изъ германскихъ царствъ.

ко для Германіи, но и для другихъ странъ Западной Европы.

Рядомъ съ Россіей главными поставщиками хлѣба для Европы являются Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Британская Индія, изъ которыхъ Америка вывозитъ около 300 мил. гектолитровъ, т. е. свыше миллиарда пудовъ, Россія (Европейская) около 175 мил. гектолитровъ и Индія около 110 мил. гектолитровъ.

Такимъ образомъ, въ Западной Европѣ, благодаря сильному ввозу хлѣба, никогда не ощущается недостатка въ такомъ, что доказывается хотя-бы тѣмъ, что въ среднемъ приходится на каждого человека по 2½ куля или четверти, то есть свыше 20 пудовъ.

Если положеніе остается безъ перемѣны для остальныхъ странъ Западной Европы, т. е. для нашихъ союзниковъ и нейтральныхъ странъ, то, какъ мы уже выше сказали, прекращеніе подвоза въ Германію и Австро-Венгрію ставить въ критическое положеніе не только промышленность враждующихъ съ нами странъ, но и обрекаетъ ея населеніе на чрезвычайно тяжелыя условія существованія и неисчислимыя лишенія.

Въ своемъ дерзкомъ сомнѣніи императоръ Вильгельмъ не допускалъ и мысли о возможности такихъ результатовъ. Теперь сдѣлалось притчей во языцѣхъ приглашеніе имъ своего главнаго штаба на обѣдъ на 14 августа въ Парижѣ. Судьба, однако, сулила ему иное: императору Вильгельму не только не удалось пообѣдать въ Парижѣ 14 августа, но является сомнѣніе даже въ томъ, сумѣетъ ли онъ въ недалекомъ будущемъ обѣдать и въ Берлинѣ.

Соединенныя грозныя арміи, грудью вставшія на спасеніе всего міра отъ германскаго гнета, съ помощью самой судьбы, вѣрно и неуклонно идутъ къ побѣдѣ.

С. Тонскій.

Въ англійскихъ траншеяхъ.

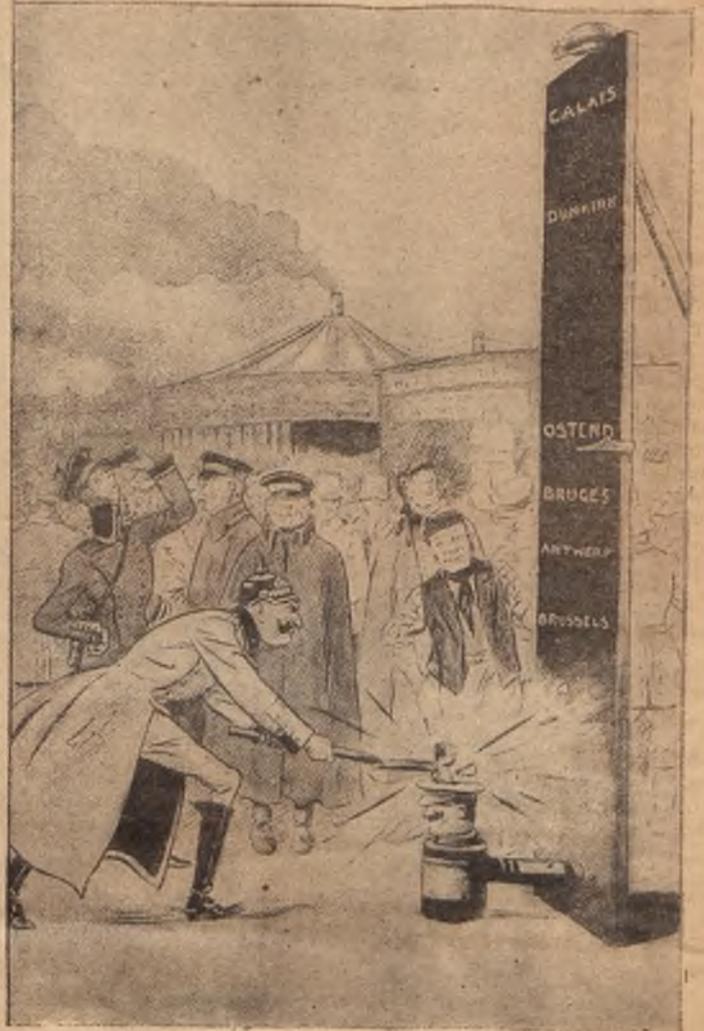

Не въ примѣръ германцамъ, наши доблестные союзники-англичане проявляютъ на войнѣ милосердіе и братскія чувства къ обездоленнымъ жителямъ деревень, по которымъ прошли современные гунны. Въ окопахъ англійской кавалеріи находятъ пріютъ разоренныя семьи бельгійскихъ бѣженцевъ, съ ихъ домашнимъ скотомъ, птицей и убогимъ скарбомъ.

Английскій юморъ.

Большая мортира для выбрасыванія воздушныхъ развѣдчиковъ.

СИЛУ ПРОБУЕТЪ. Выше Остенда никакъ не идетъ!

СКАЗКА О БЛОХѢ.

Все это, правда, глупо,
Но самъ я слышалъ такъ:
Разъ выковалъ у Крушна
Блоху (дѣнь чудакъ.
И на большомъ парадѣ,
Забивъ блоху въ ружье,
Пустилъ куда-то сзади
Опъ кайзеру ее.
Всѣхъ на ноги подняли,
Министровъ привели:
Хоть всѣ блоху искали,
Но такъ и не нашли.
Блоха весь строй узнала,
Чѣмъ кайзеръ былъ силенъ,
И очень скоро стала
Сильнѣе всѣхъ персонъ.
Бывало, кайзеръ вило
Рѣшить: да гдѣ намъ... ну...
Она его кусала
Съ прилѣвомъ: На во ну!..

Вѣдякъ безъ передышки
Ораль:—«на бой, на бой»,
И въ икры, и въ ладыжки
Искусанный блохой.
Бывало утомится:
— Ну-съ... покричалъ... хе-хе...
А долго-ли вѣдѣться
Прожорливой блохѣ?
У кайзера нѣтъ мочи,
Измучился совѣмъ,
Блоха-же дни и ночи
Кричитъ ему: «Забѣмъ!
— Пиши скорѣй приказы,
Пиши, и конченъ балѣ»
И такъ вѣбилаась сразу,
Что кайзеръ—подписалъ...
Теперь блоха ликуетъ:
Силенъ ея укусъ,
И съ кайзеромъ воюетъ
Гдѣ русскій, гдѣ французъ...

А кайзеръ,—какъ не трусить,
Попробуй оплошать—
Блоха его укусить
И дольше, и опять...
На Западѣ случится
Съ искусаннымъ грѣшомъ,
На бой онъ гордо мчится
Съ войсками на востокъ.
Взять «неприступный» Калишь,
И Реймскій палъ соборъ:
Блоха, зачѣмъ ты жалишь
И гонишь на позоръ?
И снова кайзеръ злится,
И Австрія плоха,
Да будетъ, озорница,
Проклятая блоха!
Разскажь начавши глупо,
До истины дойду:
Вотъ, какъ блоха отъ Крушна
Надѣлала бѣду...

Арк. Буховъ.

Кинематографъ на войнѣ.

Весь миръ въ настоящее время живетъ однимъ лишь интересомъ—великою борьбою народовъ въ Европѣ. Масса требуетъ извѣстій о войнѣ; даже въ своихъ развлеченияхъ она хочетъ видѣть и слышать только то, что такъ или иначе связано съ войною. Требования эти вызвали цѣлую армию незамѣтныхъ героевъ—представителей прессы на передовыхъ позиціяхъ и агентовъ кинематографа.

Чтобы представить себѣ, съ какими трудами, героическими усилиями и опасностями связано было получение тѣхъ изображеній разныхъ моментовъ войны, которыми публика любуется въ кинематографѣ, предоставимъ слово одному изъ агентовъ англійской кинематографической компаніи, мистеру Масону, проводшему болѣе шести недѣль въ рядахъ бельгійской арміи.

«Я вернулся въ Англию съ 4.000 фотовъ фильму и съ истерзанными нервами. Я долженъ считать себя счастливымъ, что вернулся домой здоровымъ и невредимымъ, потому что много разъ былъ на волосокъ отъ смерти. Все время я провелъ въ бельгійской арміи, потому что ни французская, ни англійская армія не допускаютъ въ свои ряды работниковъ кинематографа. Собственно говоря, и въ бельгійской арміи это запрещено, но я обязанъ этимъ исключительно любезности бельгійцевъ и ихъ доброму расположенію къ англичанамъ. Извѣстный въ Бельгіи генераль сказалъ мнѣ: «Вы знаете, вамъ нельзя оставаться съ нами. Но дѣлайте, что хотите, только чтобы я не видѣлъ и не зналъ этого».

Многіе думаютъ, что представитель кинематографа комфортабельно разъѣзжаетъ въ автомобилѣ въ тылу арміи, имѣя при себѣ коллекцію камеръ, треножниковъ и катушки фильму. Можетъ быть, нѣкоторые и дѣлаютъ такъ, но что касается меня, то мнѣ удалось получить такіе рѣдкіе снимки именно потому, что я не такъ поступалъ. Я все время путешествовалъ пѣшкомъ съ камерой подъ мышкой, обходясь безъ треножника, съ мѣшкомъ, въ которомъ хранились фильму и самое необходимое для меня, за плечами. Когда на разсвѣтѣ мы выступали въ путь, я никогда не зналъ, гдѣ будемъ мы къ вечеру и удастся ли намъ гдѣ пообѣдать.

Я былъ въ нѣсколькихъ бояхъ, между прочимъ въ Термондѣ, Меллѣ и Малинѣ. Работать приходилось подъ градомъ свистящихъ снарядовъ. Не имѣя при себѣ треножника, я принужденъ былъ всячески изодраться, чтобы установить свою камеру. Помню, разъ я хотѣлъ с. ять траншею, наполненную бельгійцами. Я легъ плашмя среди дороги и съ камерой, направленной на траншею, принялся за работу. Я снялъ уже фотувъ пятьдесятъ фильму, какъ вдругъ уловилъ стукъ копытъ по сухой землѣ. Едва успѣлъ я вскочить и отбѣжать отъ дороги, какъ по тому мѣсту, гдѣ я лежалъ, вскачь пронесся отрядъ бельгійской артиллеріи.

Мнѣ не разъ предлагали вопросъ, не мѣшаетъ ли дымъ дѣлать снимки во время боя. Спрашивающіе, видно, не имѣютъ представленія о томъ, что извѣстный порошокъ почти совершенно бездымный.

Я получилъ цѣлую серію картинъ подъ Малиномъ. Имѣется у меня снимскъ зна-

Барварски относясь къ противникамъ, германцы не жалѣютъ и своихъ тяжело-раненыхъ солдатъ, если только послѣднихъ нельзя подлѣчить и снова принудить идти въ бой. Послѣ упорныхъ боевъ при Ипрѣ нашимъ союзникамъ, при занятіи какой-нибудь позиціи, приходилось хоронить тысячи нѣмецкихъ солдатъ, погибшихъ вслѣдствіе того, что товарищи бросили ихъ, не перевязавъ даже ранъ.

(Съ фот. С. Левковича).

менитаго Малинскаго собора, чудныя цвѣтныя стекла котораго разбиты германскими снарядами.

Наблюдая бельгійцевъ въ бою, я не могъ надивиться поразительному спокойствію и хладнокровію, съ какими они пускаютъ снарядъ за снарядомъ. Присутствуя при ихъ стрѣльбѣ, можно подумать, что это просто торжественный салютъ въ честь короля, а не война.

Бурскій генераль Деве ть, герой англо-бурской войны, сдавшійся на условія германскихъ агентовъ и мечтавшій поднять среди буровъ всеобщее возстаніе противъ англійскаго владычества въ Трансваалѣ. Однако, бурскій народъ върнулъ Англии, которая, побѣдивъ буровъ, предоставила имъ всѣ блага полнѣйшей автономіи. Съ небольшой кучкой сторонниковъ, генераль Деве ть послѣ многодневнаго скитанія по пустынямъ Трансваала сдался англо-бурскимъ войскамъ, во главѣ которыхъ находился его бывшій соратникъ, а нынѣ президентъ Трансваала, ген. Бота

МЕЛОЧИ.

Кильскій каналъ.

Большая публика знаетъ очень мало объ этомъ грандіозномъ сооруженіи, играющемъ, между тѣмъ, громадную роль въ нынѣшней морской борьбѣ англичанъ и французовъ съ нѣмцами. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что если бы этотъ каналъ не существовалъ, то мы давно уже были бы свидѣтелями большихъ сраженій между морскими силами союзниковъ и германскимъ флотомъ. Теперь же, благодаря Кильскому каналу, представляющему совершенно недоступное убѣжище, нѣмецкіе броненосцы и крейсера могутъ пребывать въ немъ въ полномъ спокойствіи и уклоняться отъ боя.

Кильскій каналъ соединяетъ Балтійское море съ Сѣвернымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Эльба образуетъ широкое устье. Каналъ представляетъ большой искусственный водный путь протяженіемъ почти въ 94 версты. Постройка канала началась въ 1887 году и была закончена въ 1895. Она обошлась германскому правительству въ 165 миллионъ марокъ.

Въ начальномъ пунктѣ канала, при Гольтенау на Балтійскомъ морѣ, и въ конечномъ его пунктѣ, при Брюнсбютелѣ, на Сѣверномъ морѣ, было сооружено по парѣ колоссальныхъ шлюзовъ, длиною въ 36 саж., шириною въ 9 саж. и глубиною въ 3 саж. Глубина самого канала достигаетъ 13 аршинъ, при ширинѣ дна въ 31 арш. и при ширинѣ водной поверхности въ 32 сажени.

Два большихъ желѣзнодорожныхъ моста переброшены черезъ каналъ, одинъ вышиною въ 62 аршина и длиною въ 90 саж., а другой—нѣсколько поменьше.

Большія суда могутъ проходить по каналу со скоростью въ 10 узловъ, а малыя—15 узловъ (узель—около 22 аршинъ). Въ общемъ весь путь по каналу

Неравный бой.

совершается обыкновенно въ 7—10 часовъ.

Въ 1907 году германское правительство начало работы по расширенію канала съ расчетомъ закончить ихъ въ 7-8 лѣтъ, т.-е. къ 1915 году, ассигновавъ на это не менѣе грандіозное предпріятіе 230 миллионъ марокъ. Для этой цѣли при Гольтенау и Брюнобютель, рядомъ со старыми шлюзами были выстроены новые, вдвое больше старыхъ по своимъ размѣрамъ. Эти новые шлюзы дали возможность сократить съ 12 часовъ до 6 время, необходимое для введенія въ каналъ германскаго флота. Кромѣ новыхъ шлюзовъ, были сооружены четыре пункта для поворота судовъ. Благодаря этимъ пунктамъ, по первому приказанію, весь находящійся въ каналѣ флотъ можетъ измѣнить свой путь въ обратномъ направленіи.

«Плѣнникъ».

Такъ называется газета, которая, съ разрѣшенія германскихъ военныхъ властей, издается русскими плѣнными, находящимися въ Ростокѣ. Газета эта—рукописная и стоитъ въ продажѣ по 6 пфенигу за номеръ. Цѣль ея, конечно, не столько освѣдомленіе, сколько желаніе инициаторовъ ея скрасить однообразную и тяжелую жизнь въ неволѣ во вражеской странѣ.

Вотъ небольшой отрывокъ изъ передовой статьи перваго номера «Плѣнника».

«Считаемъ необходимымъ заявить нашимъ читателямъ, что наше изданіе, ставя себѣ задачей освѣщеніе вопросовъ, порождаемыхъ нашей жизнью въ плѣну, послужить также, по мѣрѣ силъ и возможности, факторомъ культуры».

Насколько позволяютъ время, мѣсто и внѣшнія условія, мы будемъ освѣдмлять нашихъ читателей и посылить толковать известія, приходящія извнѣ. Въ стѣ съ тѣмъ, мы не забудемъ и весьма важной задачи—разсѣивать мрачныя думы плѣнника и веселой шуткой прогонять его печаль и тоску».

Въ газетѣ есть и объявленія, главнымъ образомъ, юмористическаго характера.

Вотъ одно изъ нихъ:

«Группа молодежи извѣщаетъ съ ду-
ланнымъ прискорбіемъ родныхъ, друзей
знакомыхъ, что послѣ продолжитель-
ной и тяжелой агоніи скончалась у нихъ
на рукахъ надежда выбраться на родину

до окончанія войны. О днѣ выноса билетовъ на Копенгагенъ будетъ объявлено особю».

А вотъ еще одно, хотя также юмористическое, но болѣе мрачнаго тона:

«Расписаніе движенія поѣздовъ изъ Ростока: на Берлинъ—послѣ дождичка въ четвергъ, на Копенгагенъ,—въ одну изъ семи пятницъ на этой недѣлѣ».

Нѣмцей шпионажъ.

«У меня одинъ поваръ и сотня шпионовъ», говаривалъ Фридрихъ Великій. Вильгельмъ II можетъ сказать: «у меня одинъ поваръ и тысячи шпионовъ». Тайная полиція Германіи одна изъ самыхъ организованныхъ, и Германія затрчиваетъ на нее миллионы. Среднее жалованіе шпиона отъ 100 до 200 рублей въ мѣсяць, хотя есть шпионы, услуги которыхъ оплачиваются тысячными окладами.

И подъ какимъ только видомъ ни работаютъ германскіе шпионы! Мирные съ виду жители, рабочіе на фабрикахъ, въ имѣніяхъ, разносчики, торговцы продаютъ знаки германской арміи ночью цвѣтными фонарями, днемъ—дымкомъ изъ трубъ. Были случаи, когда нѣмецкіе офицеры въ формѣ французскихъ или англійскихъ солдатъ пробирались въ непріятельскую армію и оттуда подавали знаки и доставляли свѣдѣнія своимъ.

Среди шпионовъ большое число женщинъ, и главнымъ образомъ, красивыхъ, молодыхъ. Недавно только въ Англии была арестована прекрасная англичанка женщина, которая разъѣзжала въ автомобиль, управляемомъ шоферомъ-итальянцемъ, и доставляла весьма цѣнныя свѣдѣнія нѣмцамъ. При ней были найдены пропуски съ ложко поддѣланной подписью генераловъ Жоффра и Китченера. Въ настоящее время шпионка эта заключена въ тюрьму, гдѣ, вѣроятно, останется до конца войны.

Нѣмецкія шпионки въ разныхъ странахъ занимаютъ различныя положенія: тутъ и поманима... скромная... лави-

ца, и дама полусвѣта, и гувернантка, и учительница и т. п. и т. п. Германское правительство даетъ возможность многимъ изъ нихъ жить на очень широкую ногу, чтобы онѣ могли закидывать свои сѣти на представителей правительства, на военныхъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ много шума надѣлало извѣстіе, что Германія обладаетъ полнымъ планомъ Гибралтарской крѣпости. По разслѣдованіи дѣла оказалось, что въ крѣпости продолжительное время жила молодая прекрасная дѣвушка, напропалу флиртовавшая со всѣми офицерами; дѣвушка эта оказалась нѣмецкой шпионкой.

Шпионажъ развитъ, конечно, всюду. Но надо отдать справедливость нѣмцамъ: они и въ этомъ, какъ и во всѣхъ своихъ стремленіяхъ и достиженіяхъ, достигли совершенства.

Разное.

Предполагается учрежденіе однообразной медали для всѣхъ участниковъ союзной арміи въ современной войнѣ. По проекту, русскіе, французскіе, бельгійскіе и англійскіе воины будутъ получать медаль съ одинаковымъ рисункомъ и одинаковой надписью. Проектъ рисунка еще не выработанъ. Что касается надписи, то, какъ говорятъ, на медали будетъ выгравировано: «Я былъ тамъ».

Французскіе военнопленные, находящіеся въ Цоссенѣ, въ Пруссіи, начали издавать еженедѣльный журналъ, подъ названіемъ Le Herold (Герольдъ). Журналъ, который распространяется, конечно, только между плѣнными всѣхъ національностей, владыщими французскимъ языкомъ, продается по цѣнѣ въ 4 коп. номеръ, которыя идутъ на покрытие расходовъ по изданію.

Редакторъ Б. А. Катловкеръ.

Издатель: Т-во Изд. Дѣла «Копѣйка» въ лицѣ представителя М. Городецкаго.

Противъ

ЗЯПОРОВЪ

примите Стомоксигенъ Д-ра Аптона Мейеръ. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Предотвращаетъ тошноту, изжогу, отрыжку. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригинальной коробкѣ ясно указано имя Д-ра Аптона Мейеръ и адресъ: Екатерин. кан., 29. Стомоксигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ
2-го изданія.

При этомъ № «Всемирной Пано-
рамы» разсылается книжка
№ 50 «Классической Библиотеки».

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 336595

го, Тургеневъ, Чехова, Андреева, Горькаго, Над-
Донкесевича, Гюго, Золя и Мопассана высылаются за-
Допускается рассрочка: Первый взносъ 2 р. и вы-
инци высылаются всѣ сто книгъ. Остальной
г. Редакція журнала «НИВА НАРОДНАЯ»
Рождественская ул., д. № 52—1.

отся гербовымъ и почтовымъ маркамъ.

43048